

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КОНВЕНЦИАЛЬНОЙ ФОРМЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И КОНВЕНЦИАЛЬНОЙ ФОРМЫ Внесудебного РАЗРЕШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО СПОРА (МЕДИАЦИИ) В РОССИИ

В статье рассматривается авторский подход к новым восстановительным способам реагирования на преступление – разрешение уголовно-правового спора посредством конвенциональной (договорной) формы уголовного судопроизводства (раздел X УПК РФ [1]) и конвенциональной (договорной) формы внесудебного разрешения уголовно-правового спора, их исторические корни, виды и перспективы развития.

Ключевые слова: восстановительное правосудие, конвенциональная (договорная) форма уголовного судопроизводства, особый порядок судебного разбирательства (глава 40 УПК и глава 40 со значком 1 УПК), конвенциональная форма внесудебного разрешения уголовно-правового спора (медиация в уголовном процессе).

Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России» на 2007–2011 гг. предложила широкое внедрение в российское судопроизводство примирительных процедур (восстановительной юстиции), что в свою очередь дало возможность введения и развития новых восстановительных способов реагирования на преступление – конвенциональной формы уголовного судопроизводства и конвенциональной формы внесудебного разрешения уголовно-правового спора (медиации).

Конвенциональная форма уголовного судопроизводства и конвенциональная форма внесудебного разрешения уголовно-правового спора (медиация) – это имеющиеся в уголовно-процессуальном законе (главы 40 и 40 со значком 1 УПК) и предлагаемые к внедрению в УПК элементы восстановительного правосудия, основой которых является примирение посредством заключения взаимовыгодного соглашения (договора).

Надо сказать, что процесс зарождения данного рода примирительных процедур при разрешении уголовно-правового спора в нашем государстве инициирован очень давно [2]. Но история уголовного судопроизводства свидетельствует о том, что их прогрессивное развитие в тот или иной период осложнялось определенными объективными обстоятельствами.

Так, в Древней Руси, в которой основным источником «княжеского права» в период с XI по XV вв. была «Русская Правда», судопроизводство долгое время сохраняло состязательные черты – стороны имели равные права в процессе, обязаны были проявлять активность в сборе доказательств, в то время как суд лишь разрешал вынесенный на его рассмотрение спор. Тип уголовного процесса в тот период, именуемый

как обвинительный или частно-исковой, вменял в обязанность потерпевшего преследование обвиняемого, включая и сбор доказательств его виновности. Судебный процесс не делился на гражданский и уголовный. Существовал единый процессуальный порядок рассмотрения дел, хотя некоторые процессуальные действия могли применяться только по уголовным делам (гонение следа, свод). Обе стороны в процессе назывались истцами. Как выявляет С.Г. Пен, зарождение медиативных (*примирительных – прим. Д.В. Маткиной*) приемов произошло тогда, когда члены сообщества первобытно-общинной формации стали апеллировать к совету старейшин в разрешении межличностных конфликтов, междоусобных споров с целью узаконить решение в пользу одной из сторон, придать спору или конфликту прогрессивную направленность. Такой способ урегулирования межличностных отношений обеспечивал мирное сосуществование родовых и семейных общин и в полной мере соответствовал религиозным, нравственным и иным ментальным установкам на тот период развития общества [3].

Древние формы разрешения конфликтов наличием третьего нейтрального участника имели общие черты с институтом медиации, основой которого, еще раз подчеркнем, является примирение. Помимо указанного фактора, «несмотря на историческую парадоксальность, обычай «кровной мести», известный в том или ином виде множеству народностей (по-итальянски – вендетта, по-древне-германски – файда, по-чеченски – чир, а также существовавший у евреев, греков, римлян, славян, казахов, американцев), послужил заметным детерминирующим фактором в развитии примирения от

обычая до правового института. В Древней Руси регулятором общественных отношений являлась кровная месть за убийство, увечье, другие обиды со стороны членов рода, общины, к которым принадлежал потерпевший. В то же время не исключалась и возможность уладить дело миром, путем переговоров старейшин общин или родов. «Русская Правда» уже ограничила применение кровной мести. Допускалась возможность замены кровной мести денежным взысканием. Суд старался уладить дело миром, если виновный соглашался возместить ущерб или заплатить виру» [3]. В данном источнике процессуального права впервые отражено применение такого вида способа примирения как «вознаграждение» – взыскание за определенный вид преступления и вознаграждение – взыскание «за обиду» потерпевшим, понятие которого выявляет и разъясняет С.В. Юшков [4, с. 271, 287-288].

Конвенциональная форма внесудебного разрешения уголовно-правового спора (медиация) в то время существовала потому, что в «Русской Правде» не содержалось норм, которые бы определяли достаточно четко процессуальную деятельность сторон и суда. Процесс, по сути, начинался и заканчивался самими сторонами. Если одна сторона не могла добиться признания другой стороны и если свидетели давали одинаково благоприятные показания, тогда прибегали к ордалиям – победитель выигрывал судебный процесс. Спор разрешался на основе физической силы. Это был один из способов достижения соглашения, построенного на установлении договорной (конвенциональной истины).

История Государства Российского XX века также характерна наличием противоречивых обстоятельств, во многом тормозящих развитие прогрессивных процессов различных сфер жизни, в том числе и в уголовно-процессуальной деятельности. Но, несмотря на это, были созданы весомые предпосылки для конвенциональных форм разрешения уголовно-правовых споров: развитие мировой юстиции, введение института прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, зарождение идей упрощения судопроизводства, гуманизации уголовно-процессуального законодательства, восстановительного правосудия.

В начале XX века медиативные способы разрешения конфликта прослеживаются в основном по делам, исходящим из гражданских правоотношений. Примеры медиации как соци-

ально-культурного способа разрешения конфликта связаны с жизнью российского крестьянства периода XIX – начала XX века, где обычное право предстает как способ разрешения конфликтов силами самой общины с опорой на ценности коллективной жизни, не прибегая к дорогостоящему и часто не эффективному механизму государственного правосудия. До революции большинство конфликтов решали в деревнях старейшины общины, они назначали наказание, распределяли ущерб, который должен был возместить нарушитель, и обращались в земские суды лишь в случаях тяжких правонарушений [5]. Главной особенностью являлось то, конвенциональные (медиативные) способы разрешения спора, применяемые уважаемыми лицами общины, за что их можно условно называть медиативно-общинными, существовали параллельно с деятельностью официального правосудия.

В 30–40-е гг. XX века опыт общинных способов разрешения конфликтов помог обозначить те аспекты, которые обычно игнорируются при реформировании юстиции: восстановление добрых отношений между людьми, активизация и вовлечение населения и органов местного самоуправления в работу по разрешению криминальных ситуаций и реабилитации правонарушителей, сужение поля действия «карательных технологий» [6].

Позднее в уголовное судопроизводство были введены конвенциональные элементы, формирующие конвенциональную форму уголовного судопроизводства, это: 1) нормы, устанавливающие возможность заключения договора о прекращении уголовных дел (ст. 7-9 УПК РСФСР, принятые в 1977 г.); 2) прекращение уголовных дел в отношении обвиняемых, активно способствовавших раскрытию преступления в отношении других лиц, влекущие изменение в 1996 г. редакции ст. 7 УПК РСФСР и приведение ее в соответствии со ст. 75 УК России 1996 г., предусматривающей возможность прекращения уголовного дела и освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Этому способствовали идея дифференциации процессуальной формы П.Ф. Пашкевича, воззрения ученых (Г.П. Батурова, Т.Г. Морщаковой, И.Л. Петрухина, Р.Д. Рахунова, А.В. Смирнова, М.С. Строговича, Т.В. Трубниковой, Ю.К. Якимовича и др.) относительно упрощения судопроизводства, концептуальные моменты исследований автора понятия и признаков упрощенного судебного производства

Р.Д. Аширова и авторов, указывающих на то, какую часть судебного производства допустимо сократить (В.Т. Тomin и др.).

Конец XX–начало XXI века характерен новыми тенденциями уголовно-процессуальной политики России, переходом от карательно-репрессивного ее характера, к иным гуманистическим формам и, в частности, к реализации идеи восстановительного правосудия.

Восстановительное правосудие – это общее понятие, включающее в себя упрощенное рассмотрение уголовных дел, где отсутствует уголовно-правовой спор ввиду признания обвиняемым своей вины либо согласия с предъявленным ему обвинением, специфическое рассмотрение уголовных дел в рамках ювенального судопроизводства, и внесудебное разрешение уголовно-правового спора (медиация), где лицом, совершившим преступление, является совершеннолетний.

Переоценка ценностей, способствовала рождению идеи введения гражданско-правового института мирового соглашения в уголовное судопроизводство России, внедрению и развитию в уголовном судопроизводстве упрощенных процедур [7, с. 40-44, 8, с. 266-269]. Принятый в 2001 году УПК в разделе X закрепил «Особый порядок судебного разбирательства», введение которого не только ускорило и упростило судебный процесс, снизило нагрузку судей, сократило судебные расходы, стимулировало поведение участников процесса, но и ознаменовало новую веху в истории развития уголовно-процессуального законодательства по пути расширения диспозитивных прав сторон и становления конвенциональной модели производства по уголовному делу.

Анализ источников уголовно-процессуального права с Древней Руси и до начала XXI века показал, что: 1) элементы конвенциональной формы разрешения спора зародились еще в XI веке в «Русской Правде»; 2) способы применения медиационных процедур по делам частного обвинения нашли отражение в Уставе Уголовного судопроизводства 1864 г. в ст.ст. 120, 33: «судья обязан склонять их к миру и только в случае неуспеха в том приступать к постановлению приговора в пределах предоставленной ему власти»; 3) заложенный в 1960 году в УПК РСФСР институт прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, как фундамент развития идеи восстановительного правосудия и введенный в 2001 году в УПК России особый порядок судебного

разбирательства, как конвенциональная форма судебного разбирательства стали главенствующими базовыми факторами введения и дальнейшего развития конвенциональной формы уголовного судопроизводства и конвенциональной формы внесудебного разрешения уголовно-правового спора.

Процесс развития идеи восстановительного правосудия в России зарождался в несколько этапов, подробно рассмотренных нами ранее [9, с. 75-78]. Сейчас, вкратце, скажем, что второй шаг был сделан принятием Федерального закона 141-ФЗ от 05.06.2009, которым введена глава 40 со значком 1 УПК РФ (принятие судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве), реализующая применение таких конвенциональных форм досудебного и судебного производства, в которых заявленный стороной обвинения уголовный иск может быть полностью или частично отозван в целях охраны прав и свобод личности обвиняемого и потерпевшего на основе взаимной договоренности сторон. Этот новый институт уголовного судопроизводства подвержен заслуженной критике [10, с. 223-238, 11, с. 98-100, 12]. Следующим этапом, полагаем, должно стать введение внесудебной конвенциональной формы разрешения уголовно-правового спора (медиации).

Медиация по уголовным делам – это элемент восстановительного правосудия, посредством которого достигается ускорение уголовного судопроизводства (*de lege ferenda*), финансовая экономия и эффективное восстановление нарушенных прав потерпевшего [13, с. 256-259].

«Сегодня, если смотреть с позиции модели «парадигмы наказания», защита интересов потерпевшего сводится к возмещению ему материального, иногда морального ущерба. То, что потерпевший страдает вторично (в первый раз от преступления) от вызова в суд в судебное заседание, где он вновь должен давать показания, хотя он уже ранее давал их следователю. В итоге встает вопрос: как избежать всего этого? Полагаем, что настало время обратить пристальное внимание на «парадигму восстановления». «Парадигма восстановления» – это модель, предложенная Э. Эшуортом. Она является, по сути, ключевой целью уголовной юстиции. Смысл ее заключается не в том, чтобы наказать (покарать правонарушителя), а исключительно в том, чтобы восстановить права лица (потерпевшего), пострадавшего от преступления. И здесь, как мы говорим, складывается такая ситуация, при которой интересам потерпевше-

го подчиняются буквально все уголовно-процессуальные механизмы. Потерпевший становится едва ли не главной (основной, ведущей) фигурой уголовного судопроизводства. По выражению Э. Эшурга, даже интересы государства, в определенном смысле, при этом «уходят на второй план», ибо эта модель существенно увеличивает при *de lege ferenda* роль потерпевшего» [14, с. 44].

Как справедливо отмечено Рустэмом Максудовым: «Разработка нового – восстановительного – способа реагирования на преступление стала реакцией на преимущественно карательную направленность существующего правосудия. Прежде всего, существующее правосудие отличается невниманием к нуждам жертв преступлений. Многие жертвы нуждаются в восстановлении чувства безопасности, доверия к людям, в компенсации материального ущерба. Болезненные переживания – страх, горе, незащитность, недоверие к людям, самообвинение – могут много лет мучить жертву. Для некоторых жертв преступлений очень важна возможность поделиться личной историей и получить ответы на вопросы непосредственно от правонарушителей. Жертвы преступлений вообще несут двойной ущерб: во-первых, от преступления и, во-вторых, от карательного способа организации правосудия, не позволяющего комплексно разрешать их проблемы. Карательная направленность уголовного правосудия прямо связана с трактовкой события преступления как нарушения законов государства, а не причинения вреда конкретным людям и их отношениям» [15].

В этой связи, полагаем, что разработка и принятие в уголовно-процессуальный закон особого порядка судебного разбирательства по основанию денежной компенсации вреда потерпевшему либо его близким, имеющий в своей основе договор в пользу третьего лица, может быть одним из видов конвенциональной формы судебного разбирательства, который наряду с вышеуказанными, будет способствовать устранению существующих и описанных выше нарушений.

Для того чтобы понять сущность особого порядка судебного разбирательства по основанию денежной компенсации вреда потерпевшему либо его близким, обратимся к успешному процессуальному опыту зарубежных стран, например КНР.

УПК Китая не ставит зависимость проведения упрощенного судебного разбирательства от

диспозитивных прав обвинения и защиты, согласия с обвинением или признания вины. В §3 «Упрощенная процедура рассмотрения», ст. 174 сказано, что «Народный суд может применять упрощенную процедуру рассмотрения, которая осуществляется одним судьей единолично по следующим делам: 1) по делам, возбужденным государственным обвинением, по которым лицо в соответствии с законом может быть приговорено к лишению свободы на срок до трех лет, аресту, надзору, штрафу, при ясности фактических обстоятельств, полноте доказательств и когда народная прокуратура предлагает либо согласна применить упрощенную процедуру рассмотрения; 2) по делам, которые рассматриваются только по заявлениям; 3) по незначительным уголовным делам, по которым у потерпевшего имеются доказательства, свидетельствующие о совершении преступления» [16, с. 251-265]. Согласно ст. 178 УПК КНР при рассмотрении дела по упрощенной процедуре народный суд должен в течение двадцати дней после принятия дела завершить его рассмотрение.

Но когда по оценкам работников судебной власти КНР большое количество рассматриваемых ими уголовных дел повлекло за собой гражданские иски с требованием пострадавших о компенсации, в судебной практике появилась и приобрела популярность выплата подозреваемым (обвиняемым) денежной компенсации потерпевшему, имеющая неофициальное название «снижение срока в обмен на компенсацию» (пэй цзянь цзянь син).

В настоящее время, суд КНР рассматривает такую компенсацию в качестве фактора снижения строгости приговора обвиняемому. Денежная компенсация в этом случае является залогом решения противоречий, возникающих между обвиняемым и подозреваемым или их семьями, и может рассматриваться судами как законный способ защиты интересов пострадавшего. Китайский суд считает, «что компенсация приобретает гуманитарное значение, помогая семье потерпевшего преодолеть трудности. По мнению судебных чиновников, практика компенсаций также способствует преодолению ненависти, возникающей между семьями потерпевшего и обвиняемого, что является положительным моментом с точки зрения построения в Китае «гармоничного общества» [17].

Достижение конвенции, в которой подсудимый выступает инициатором заключения сделки с государством в лице государственного обвинителя и суда, выплачивая денежную компен-

сацию в обмен на снижение наказания в России, также процессуально оправдано. В России семьи потерпевших после гибели или длительного лечения своих пострадавших родственников также оказываются в тяжелом финансовом положении. Упомянутый вид конвенциональной формы, не только отвечает нормам права КНР и материальным интересам двух сторон процесса, но и соответствует принципу «снижения числа смертных приговоров и устранения судебных ошибок при вынесении смертных приговоров» (шао ша шэнь ша), озвученному Верховным народным судом КНР в процессе реформы судебной системы страны. Этим же целям, полагаем, будет отвечать предлагаемое новшество в России.

Возникает закономерный вопрос: «Как сделать так, чтобы такая практика в нашей стране не позволила богатым членам общества уходить от предусмотренной законом ответственности? В Китае «как пояснил в интервью средствам массовой информации заместитель председателя суда средней инстанции г. Дунгуань Чэнь Сы, действующие уголовные и процессуальные нормы позволяют суду рассматривать меры, принятые обвиняемым для снижения материального ущерба и вреда обществу, нанесенных его противоправными действиями, в качестве фактора, позволяющего снизить строгость уголовного наказания. Согласно п. 4 «Определения Верховного народного суда КНР по вопросам гражданских исков, инициированных в ходе уголовного процесса»: в случае, если обвиняемый уже возместил пострадавшему материальный ущерб, суд может рассматривать возможность снижения тяжести наказания преступнику [17].

Снижение срока наказания в обмен на компенсацию приводит к своеобразному примирению сторон, поэтому это основание можно предусмотреть в главе 40 УПК. Но при этом, как и в Китае необходимо ввести определенные ограничения.

Так, практика «снижение срока в обмен на компенсацию» в Китае не может быть применена ко всем уголовным преступлениям и остается на усмотрение суда, который, как правило, использует ее для разрешения противоречий, сопутствующих преступлениям, совершенным по неосторожности, без явных признаков преступного умысла со стороны обвиняемого и не носящих особо тяжкого характера. Суд может принять решение о применении «снижения срока в обмен на компенсацию» при наличии трех условий: 1. Совершивший преступление чело-

век полностью признает и раскаивается в содеянном, что может выражаться в различных действиях обвиняемого (помощь следствию, правдивые показания, отсутствие попыток уйти от наказания, стремление идти на контакт с потерпевшим или его родственниками, инициативное и искреннее предложение выплатить компенсацию за причиненный ущерб и т. п.). 2. Судья испросил мнение потерпевшего или членов его семьи, и удостоверился в их согласии идти на переговоры с обвиняемым и принять материальную компенсацию в качестве частичного извинения с его стороны за совершенное противоправное деяние. 3. Преступление, в котором обвиняется человек не должно относиться к категории особо опасных или наносящих серьезный ущерб обществу, а сам обвиняемый не должен относиться к числу рецидивистов.

В главу 40 УПК необходимо будет внести ограничения, по которым суд может вынести обвинительный приговор со снижением наказания при компенсации обвиняемым потерпевшему вреда при условиях: 1. Обвиняемый полностью признает вину и раскаивается в содеянном, что может выражаться в его действиях (помощь следствию, правдивые показания, отсутствие попыток уйти от наказания, стремление идти на контакт с потерпевшим или его родственниками, инициативное и искреннее предложение выплатить компенсацию за причиненный ущерб и т. п.). 2. Потерпевший или члены его семьи согласны принять материальную компенсацию в качестве частичного извинения со стороны обвиняемого за совершенное противоправное деяние. 3. Преступление, в совершении которого признается обвиняемый не должно относиться к особо тяжким или наносящим серьезный ущерб обществу, а обвиняемый не должен быть рецидивистом.

Конвенциональные формы разрешения уголовно-правового спора – это формы практической реализации идеи восстановительного правосудия. И как справедливо отмечено М.А. Кочубей по поводу практического введения в российскую правовую действительность идеи восстановительного правосудия, что «... это новинка, чему я вижу одно вполне разумное объяснение. У нас сильны историко-правовые традиции. Россия практически никогда не жила в состоянии покоя. Репрессивная реакция государства на преступность – результат и нашей традиции. Изменить эту ситуацию невозможно ни за день, ни за год, ни даже за 10 лет» [18]. Соглашаясь с этим, надо сказать, что новые формы

разрешения уголовно-правового спора будут являться эффективными элементами восстановительного правосудия в качестве дополнительных способов либо альтернативы традиционному судопроизводству, с которыми надо обращаться с большой долей осторожности.

Что мы имеем в виду? А именно то, что во избежание серьезных последствий, которыми чревато уголовное правосудие, необходимо иметь в законе определенные базовые гарантии, которые присутствуют всегда и во всех звеньях системы уголовного правосудия, включая процессы восстановительного правосудия. То есть, опираясь на международные стандарты, можно заключить, что факт того, что какое-то дело может быть выведено за пределы уголовного правосудия, не означает, что оно выходит за пределы ответственности государства за обеспечение защиты прав личности во всех формах разрешения споров, вне зависимости от того, находятся ли они внутри судебной системы, за ее пределами или функционируют параллельно с ней. Обязанность сделать так, чтобы на всех этапах процесса восстановительного правосудия имелись надежные гарантии защиты прав личности, как потерпевшего, так и обвиняемого, должна оставаться прочно закрепленной за государством.

Признавая особый порядок судебного разбирательства – конвенциональной формой разрешения уголовно-правового спора, необходимо пересмотреть его структуру. Логически раздел Х УПК дополнить особенностями принятия судебного решения при заключении уголовно-ми-

рового соглашения сторон, при компенсации вреда потерпевшему. Для этого: 1) предусмотреть разделение оснований в зависимости от вида документа, заявленного и (или) заключенного до начала судебного следствия [19, с. 224-227]; 2) уточнить порядок проведения каждого вида судебного разбирательства, исходя из особенностей речей государственного обвинителя и исследования материалов дела; 3) пределы обжалования приговора дифференцировать в зависимости от вида упрощенного судебного разбирательства. Если судом не проводилось исследование обстоятельств совершенного преступления, о чем указывается в приговоре, то он обжалованию по основанию, предусмотренному п. 1 ст. 379 УПК, не подлежит. Если судом проводилось частичное судебное следствие, то приговор может обжаловаться на общих основаниях, в том числе в рамках гл. 43 УПК.

Резюмируя все вышеизложенное, скажем, что наши предложения – это всего лишь предпосылки развития в дальнейшем конвенциональной формы уголовного судопроизводства и медиации в российском уголовном судопроизводстве. Путь к введению должна прокладывать, прежде всего, уже практикуемая медиация в сфере гражданских и арбитражных конфликтов нашей страны, медиация в уголовном судопроизводстве зарубежных стран. На основе этого и имеющего в прошлом опыте по примирению сторон по делам частного обвинения, можно определенно осознать значение медиации в уголовном процессе.

Список использованной литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 года. Далее по тексту – УПК.
2. Маткина Д.В. Конвенциональная форма судебного разбирательства: история, современность и перспективы развития. Дисс. на соискание ученой степени к.ю.н., Челябинск, 2009.
3. Пен С.Г. Медиация в уголовном судопроизводстве / Сергей Геннадьевич Пен Автореферат на соискание ученой степени к.ю.н. Караганда. 2006. // – <http://iuaj103.valuehost.ru/modules.php?name=Pages...>
4. Юшков С.В. Русская правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 2002.
5. Максудов Р., Флямер М., Грасенкова А. Примирение жертвы и правонарушителя: проект реализации идей восстановительного правосудия в России // <http://www.narcom.ru/law/system/7.html>
6. Карнозова Л., Максудов Р., Флямер М. – Восстановительное правосудие: идеи и перспективы для России // Российская юстиция. – 2000. – №11.
7. Гуськова А.П. К вопросу о применении ускорения уголовного процесса // Бюллетень Уральского отделения Международной ассоциации содействия правосудию. 2010. №1(3).
8. Трубникова Т.В. Упрощенные производства в уголовном процессе: необходимость системного подхода // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора, доктора юридических наук, заслуженного деятеля высшей школы Лившица Юрия Даниловича -2-3 апреля 2009 года. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2009 и др.
9. Маткина Д.В. Медиация в уголовном процессе – конвенциональная форма внесудебного разрешения уголовно-правовых споров // Бюллетень Уральского отделения Международной ассоциации содействия правосудию. 2010. №1(3).
10. Маткина Д.В. Особый порядок судебного разбирательства по основанию досудебного сотрудничества – новый вид конвенциональной формы судебного разбирательства // Труды Оренбургского института МГЮА (Выпуск 10) – Оренбург. 2009. Изд-во ГОУ ВПО ОГУ.
11. Татьяна Л.Г. Заявление ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: вопросы, оставшиеся без ответа // Бюллетень Уральского отделения Международной ассоциации содействия правосудию. 2010. №1(3).
12. Тензина Е.Ф. О роли прокурора при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в досудебном производстве по уголовному делу // Бюллетень Уральского отделения Международной ассоциации содействия правосудию. 2010. №1(3) и др.

13. Маткина Д.В. Медиация в уголовном процессе // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора, доктора юридических наук, заслуженного деятеля высшей школы Лившица Юрия Даниловича -2-3 апреля 2009 года. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2009.
14. Цит. по Гуськова А.П. К вопросу о применении ускорения уголовного процесса // Бюллетень Уральского отделения Международной ассоциации содействия правосудию. 2010. №1(3).
15. Максудов Р. Восстановительное правосудие // Альманах «Неволя». Приложение к журналу «Индекс/Досье на цензуру». 2005. №4. // http://www.index.org.ru/nevol/2005-4/maxud_n4.htm
16. Уголовно-процессуальный кодекс Китая – далее УПК КНР // Чжунго фалюй няньцзянь (Китайский юридический ежегодник). – Пекин, 1997.
17. Снижение срока в обмен на компенсацию // <http://www.chinazone.ru>
18. Кочубей М.А. Борьба с чумой как прообраз правосудия // МИЛОСЕРДИЕ.RU /<http://www.miloserdie.ru/index.php?ss=1&s=6&id=4312>
19. Жигулич В.С. Инициирование сокращенного судебного разбирательства // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора, доктора юридических наук, заслуженного деятеля высшей школы Лившица Юрия Даниловича – 2-3 апреля 2009 года. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2009.

Маткина Д.В., преподаватель кафедры уголовного процесса Оренбургского государственного университета, кандидат юридических наук
460048, г. Оренбург, пр-т Победы, 141, тел. 89228407350

Matkina D.V.

PROSPECTS OF CONVENTIONAL FORMS OF CRIMINAL PROCEEDINGS AND CONVENTIONAL FORM OF OUT-COURT DECISION OF CRIMINAL-LEGAL DISPUTE'S DEVELOPMENT IN RUSSIA

In the article author's approach to new restoration ways of reaction to the crime – a decision of criminal-legal dispute by means of conventional (contractual) form of criminal proceedings (the X-th section of RF CLC) and conventional (contractual) form of out-court decision of criminal-legal dispute's, their historical roots, types and development's prospects are considered.

The Keywords: court hearing's conventional form, court proceedings' conventional form, conventional form of criminal-legal dispute's out-court decision, restoration justice.

Bibliography:

1. Criminal-proceedings Code of Russian Federation 2001. Further – by CPC's text.
2. Matkina D.V. Conventional form of court hearing: history, contemporaneity and development's prospects. Diss. on comp. degree c.i.s., Chelyabinsk, 2009.
3. Pen S.G. Mediation in criminal proceedings / Sergey Gennadievich Pen Abs. on comp. degree of c.i.s. Karaganda. 2006. // – <http://iuaj103.valuehost.ru/modules.php?name=Pages...>
4. Yushkov S.V. Russian truth. Origin, sources, its importance. M., 2002.
5. Maksudov R., Flyamer M., Grasenкова A. Victim and offender's reconciliation: project of realization the ideas of justice's reconstruction in Russia // <http://www.narcom.ru/law/system/7.html>
6. Karnozova L., Maksudov R., Flyamer M. – Reconstruction justice: ideas and perspectives for Russia // Russian justice. – 2000. – №11.
7. Gusikova A.P. To the question of using the criminal process' speedup // Ural branch of International association of the justice assistance's bulletin. 2010. №1(3).
8. Trubnikova T.V. Simplified proceedings in criminal process: the system approach's necessity // Actual problems of the criminal process and criminalistic in Russia and C.I.S.: materials of international scientifically-practical conference, devoted to 80-years since birthday of professor, doctor of law sciences, well-earned figure of High school Livshic YUriy Danilovich – April 2-3, 2009. – Chelyabinsk: Ed YUURGU, 2009 and others.
9. Matkina D.V. Mediation in criminal process – conventional form of out-courts decision of criminal-legal dispute // Ural branch of International association of the justice assistance's bulletin. 2010. №1 (3).
10. Matkina D.V. Special process court – new type conventional form courts decision of criminal-legal dispute // Gob Orenburg institute MGUA (V.10) – Orenburg. 2009. Ed GOU VPO OGU.
11. Tatiyanina L.G. Solicitation's statement on out-courts agreement's conclusion about cooperation: questions remained without answer // Ural branch of International association of the justice assistance's bulletin. 2010. №1 (3).
12. Tensina E.F. Prosecutor's role in out-court agreement's findings on cooperation in out-court proceedings on criminal case // Ural branch of International association of the justice assistance's bulletin. 2010. №1 (3).
13. Matkina D.V. Mediation in criminal process // Actual problems of the criminal process and criminalistic in Russia and C.I.S.: materials of international scientifically-practical conference, devoted to 80-years since birthday of professor, doctor of law sciences, well-earned figure of High school Livshic YUriy Danilovich – April 2-3, 2009. – Chelyabinsk: Ed YUURGU, 2009.
14. Cit. on Gusikova A.P. To the question of using the criminal process' speedup // Ural branch of International association of the justice assistance's bulletin. 2010. №1 (3). P.44.
15. Maksudov R. Reconstruction justice // Almanac «Captivity». Application to journal «Index/Dosie on censorship». 2005. №4. // http://www.index.org.ru/nevol/2005-4/maxud_n4.htm
16. Chinese Criminal-Proceeding Code – further Chinese CPC // Chzhungo faluy nantzan (the Chinese law yearbook) – Peking, 1997.
17. Reduction of the term in exchange for compensation // <http://www.chinazone.ru>
18. Kochubey M.A. Fight with plague as justice's prototype // МИЛОСЕРДИЕ.RU /<http://www.miloserdie.ru/index.php?ss=1&s=6&id=4312>
19. Zhigulich V.S. Shortened court hearing's initiation // Actual problems of the criminal process and criminalistic in Russia and C.I.S.: materials of international scientifically-practical conference, devoted to 80-years since birthday of professor, doctor of law sciences, well-earned figure of High school Livshic YUriy Danilovich – April 2-3, 2009. – Chelyabinsk: Ed YUURGU, 2009.